

ИСТОРИЯ.СИБИРЬ

"Не допустить блядования!" Краткая история проституции

Сергей Ташевский

02 июня 2026



Духовные и светские власти в России всегда заботились о том, чтобы сексуальная жизнь их подданных была максимально скучной и однообразной. С их (властей) точки зрения, счастье, достигнутое через плотские радости, – страшный грех. Не следует людишкам отвлекаться от служения Богу и Царю ради какой-то юбки. А если они всё же отвлекаются, то пусть делают это тихо и в глубокой тайне. Чтобы никаких "голых вечеринок" и свободной любви! У нас вообще всё, что сопровождается эпитетом "свободный", вызывает "там, наверху" глубочайшее раздражение*.

Лучше всего "это" запретить или хотя бы сделать вид, что "этого" нет.

Как, например, проституции, существование которой тщательно скрывалось на протяжении долгого времени.

| Великая октябрьская сексуальная революция

Вплоть до середины XIX века русские цари в вопросах пола вели себя как законченные ханжи. Алексей Михайлович не зря получил прозвище Тишайший – именно он приказывал городским объездчикам следить за тем, чтобы на улицах и в переулках "бляди не было". Хотя, где же ей быть, как не там?

Петр Первый, мобилизовавший полстраны в армию и разрушивший миллионы крестьянских семей, заложил таким образом основу для возникновения теневой секс-индустрии. Отчего на Руси появилось много сифилиса. Но в единственной газете, которую лично редактировал император, писать об этом было нельзя.

Дочь Петра, веселая царица Елизавета, не чуждая радостей плоти в личной жизни, как глава государства считала своим долгом борьбу с пороком. Однажды Елизавета распорядилась арестовать и заключить в тюрьму всех петербургских проституток. Легко сказать! Их было столько, что тюрьмы столицы очень быстро переполнились. Главными бенефициарами в данной ситуации оказались тюремщики, у которых ни до, ни после не было такой интересной работы. На общественной нравственности эти массовые аресты, разумеется, никак не отразились.

Просвещенная корреспондентка Вольтера и Дидро (кстати, уважавших ремесло куртизанок) Екатерина II написала свой "Устав о благочинии", в котором требовала заключать сутенеров и проституток в смирительные дома.

Павел I сослал "развратниц" в Иркутск – на радость сибирякам...

И только в 1843 году продажная любовь в Российской империи получила наконец государственное признание. Это произошло благодаря личным склонностям Николая I, который, выбирая между конституцией и проституцией, неизменно отдавал предпочтение последней.

"Днем рождения российской проституции" следует считать 6 октября 1843 года, когда был учрежден "Врачебно-полицейский комитет", который ставил "гулящих" на государственный учёт. Им полагались регулярные осмотры, "желтые билеты" и нечто вроде профсоюза.

Весной 1844 года были утверждены первые в истории России "Правила для держательниц борделей", согласно которым открывать дома терпимости могли только "благонадежные женщины" не моложе 30 и не старше 60 лет.

Секс-работниц следовало проверять на венерические болезни не реже двух раз в неделю – об этом ставились отметки в "желтом билете", который девушка должна была предъявлять клиенту по первому требованию...

А клиентов было великое множество. Публичные дома открывались во всех регионах России, их услугами пользовались и простолюдины, и чиновники, и аристократы... В знатных семьях даже появилась такая практика – посылать юных отпрысков мужского пола в публичный дом, чтобы они получали свой первый сексуальный опыт не с какой-нибудь неотесанной горничной, а с опытной и проверенной в деле жрицей любви.



Лев Толстой и его брат Николай, 1851 год

Именно так 16 лет отроду лишился невинности величайший писатель земли русской Лев Толстой, о чем позднее оставил запись в своем дневнике: "...Когда меня братья в первый раз привели в публичный дом, и я совершил этот акт, я потом стоял у кровати этой женщины и плакал!" (За час до женитьбы он заставил прочитать этот дневник Софью Андреевну, и, дойдя до слов "в первый раз", она тоже заплакала, но было поздно: гости уже собрались, и в церкви звонили колокола. Великий писатель все рассчитал.)

Итак, "продажная любовь" вошла в повседневную жизнь России, и вскоре плотно обжилась во всех крупных сибирских городах. Например, в Томске к концу XIX века работало 27 "заведений", активно конкурировавших между собой. Все они располагались на одной улице, называвшейся Бочановской.

Естественно, что это название стало ассоциироваться исключительно с развратом. Услышав адрес "Бочановская улица", извозчики морщились и назначали двойную цену. Поэтому граждане стали бороться за свои права, и в 1900 году улицу разделили пополам. Та часть, где располагались публичные дома, так и осталась Бочановской, а вторую половину наградили звучным именем "Никольская". Кому не повезло попасть на Никольскую, требовали, чтобы переименовали и вторую часть – но тут городские власти развели руками: дескать, терпите! Народ же должен знать, где искать "милые дома"...

В филиал публичного дома превратился даже центральный городской ресторан, который славился и превосходной (для мест не столь отдаленных) французской кухней, и "номерами" с прелестницами. По городу ходил анекдот о том, как два заезжих купца, приехавшие в Томск вместе с женами, решили отобедать в этом ресторане – но на пороге их остановил швейцар, и, строго посмотрев на женщин, категорически заявил: "Со своими – нельзя!"

Чукотские свингеры

В Сибири нравы вообще были гораздо свободнее, чем в Московии. Церковь за Урал дотягивалась с трудом. А Дальний Восток оставался эротической вольницей вплоть до XX века. Причем наиболее передовым народом в вопросах секс-просвета были свободолюбивые чукчи.

Практически все, что американские хиппи испробовали во время "сексуальной революции" и завещали современным западным свингерам, испокон веков практиковалось на Чукотке: от полигамии до ЛГБТ.



Существовал, например, обмен женами. Было даже такое понятие, как "товарищ по жене". Мужья (по взаимному согласию со своими "вторыми половинами") менялись женщинами на неопределенное время. Это была одобряемая всеми традиция. Такие семьи поддерживали друг друга и совместно заботились о детях, которые считались между собой братьями и сестрами. А в случае беды товарищи по женам всегда приходили друг другу на помощь. Больше того, у этого небольшого, но непокорного и свободолюбивого народа издавна существовали транссексуалы – люди, добровольно решившие поменять пол. И это совсем не считалось "извращением".

"Педерастия у чукоч нечто совсем обычное и нисколько не скрывается и не держится в тайне. Здесь есть молодые благообразные парни, которые служат для удовлетворения этой противоестественной похоти. Они одеваются с известной тщательностью, обвешивают себя всяческими женскими украшениями, бусами и т. п., шумят и кокетничают со своими поклонниками столь же свободно, как какая-нибудь молоденькая девица со своим женихом. Мы не могли удержаться, чтобы не выразить своего отвращения, но люди этого не понимали и выражали мнение, что в том нет ничего постыдного и что каждый следует своему вкусу", – с возмущением описывал увиденное на Чукотке барон-путешественник Фердинанд Врангель.

Но не только чукчи практиковали в Сибири столь ошеломительную для европейцев "свободу нравов". У бурят, эвенков, кыргызов и многих других народов здесь имелся обычай "гостевого гетеризма" (как ныне называют это дело ученые). На практике дорогому гостю предлагали переспать с женой хозяина. Нет, не настаивали и не обижались, если он отказывался. Однако в случае согласия были рады. Исследователи утверждают, что этот обычай (характерный, кстати, не только для сибирских и вообще северных народов, но и для многих кавказских племен) имел глубокий смысл и увеличивал генетическое разнообразие небольших групп кочевников.

Сибирский брак

Однако первые русские, пришедшие в XVI веке покорять Сибирь, ни о какой генетике, разумеется, знать не знали и местными обычаями не слишком интересовались. У них, в конце концов, были свои. Донским казакам Ермака и другим поселенцам, строившим первые остроги, истомленным от долгого воздержания и уже подзабывшим в походах, что такое секс, нужно было немного –

захватить в плен или купить у соседнего племени молодую (желательно) туземку и – жениться, жениться, жениться!

Абсолютно не важно, что у большинства из них "в России" оставались семьи. Это в Сибири как бы уже "не считалось". Более того, иногда в разных сибирских поселениях у служилых людей имелись разные "жены", с которыми они жили, когда служебные дела забрасывали их в тот или иной острог. Короче, первые русские покорители Сибири частенько становились многоженцами, и для этого состояния появилось даже устойчивое выражение: "сибирский брак".

Вступить в него было не трудно: самоедки и остячки (по-нынешнему – ханты, манси и селькупы) продавались на рынках Западной Сибири от 15 копеек. Встречался и более экзотичный "живой товар". Казачьи донесения XVIII века упоминают "пленницу американского происхождения, которая была взята островитянами десяти лет отроду, продана затем оленным чукчам за копье с железным наконечником и два белых пыжика, а потом перепродана анадырскому казаку за медный котел".



Патриарх Московский и всея Руси
Филарет

В начале XVII века патриарх Филарет с возмущением писал царю, что многие русские в Сибири "живут с некрещеными иноземками как со своими женами и детей с ними приживают", "женятся на сестрах двоюродных и родных, на дочерях своих, блудом посягают на своих матерей и дочерей". Кроме того, поговаривали (да так оно и было), что, уезжая куда-нибудь по делам и одалживая на дорогу денег, многие "отдавали в заклад" своих жен. А принявшие в заклад с ними "блуд творили беззасорно".

То есть падение нравов в сибирских острогах весь XVII век продолжало набирать обороты. Взять, к примеру Томск XVII века.

"Понаехавшие" русские поселенцы жили тогда в остроге на горе, а коренное татарское население – по берегам реки Томи, где были удобные луга для выпаса скота. Но потом случился большой пожар, острог выгорел дотла, а его обитателям пришлось спуститься в татарскую слободу. Гостеприимные татары уплотнились, а затем и скрестились (без участия церкви) с пришельцами.

Из такого сожительства возникала свобода нравов, которая на языке XVII века простодушно именовалась "блядованием" (слово было цензурным, использовалось

в документах). Чтобы его не допустить, по ночам улицы перегораживались шлагбаумами, при которых дежурили стражники. Это была работа мечты, так как желающим заняться "блядованием" по ночам приходилось платить за каждый подъем шлагбаума.

Впрочем, общением с аборигенками "блядование" не ограничивалось. Служилые люди и промышленники, часто ездившие с востока на запад (и обратно!), привозили в Сибирь красоток из "большой России". Зачастую – обманом, обещая жениться. На месте же нередко вдруг выяснялось, что девицу везут на продажу кому-нибудь в жены или по заказу для развлечения воеводы, а у избранника есть жена и во Владимире, и где-нибудь в Тобольске или на берегах Байкала, а может быть, и не одна. И, удивительное дело, многие из них были венчанными!

|"Пришлите женочек!"

Да, хотя расторжение брака в России тогда считалось делом почти невысказанным (даже для царей – что уж говорить об их подданных!), сибиряки ухитрялись и здесь как-то выкручиваться. Сибирские священники за небольшую мзду охотно объявляли жениха вдовцом даже при живой жене (поди ее найди за тысячи верст) – и по-быстрому совершали соответствующий обряд с новой избранницей.

Порой это бывало похоже на какой-нибудь сюжет из "Декамерона". В начале XVIII века на одного томского священника донесли, что он венчал солдата вторым браком при наличии у того живой жены. Когда началось следствие, сам солдат объяснил свои действия тем, что по отбытии его в солдатство его жена вышла замуж за крестьянина. Крестьянин тоже оказался венчанным вторым браком и пояснил, что свою первую жену выдал за какого-то кузнеца. Солдата решили свести с его первой женой, а вторую посадили "под караул", но солдат первую жену прогнал, а вторую выкрал и увёз с собою. Молодых так и не нашли, и, вероятно, они могли жить еще долго и счастливо, если только не нашли вскорости новых избранников, и новых священников, готовых совершить над ними брачный обряд...

Хотя, надо сказать, удовольствие это было дорогое, и даже удивительно, что в этой истории фигурирует крестьянин и солдат. Как раз "государственные" крестьяне, которых начали переселять в XVII веке в Сибирь, в своем большинстве пребывали в суровой аскезе. О том свидетельствуют и челобитные, отправляемые в Москву холостыми крестьянами, с просьбами прислать "женочек, на ком женитца". При этом они особо напирали на то, что жена нужна им вовсе "не для этого самого", а чтобы помогать по хозяйству, потому как "хлеб печем и есть варим, и толчем, и мелем сами. Опочиву нет ни на час. А кабы... женушки были, мы хотя бы избные работы не знали".

И власти откликнулись на жалостливые просьбы своих подданных.

Начиная с середины XVII столетия в Сибирь начали активно ссылать женщин, осужденных за различные преступления. В том числе и за это самое "блядование".

Ссылных предписывалось выдавать замуж за крестьян, солдат и даже каторжников, поскольку "и они тоже люди". Но правонарушительниц на всех не хватало – и тогда в 1883 году специальным рейсом на Сахалин были отправлены "безбилетные" проститутки, арестованные во время облавы по одесским притонам.

| Находка для шпиона

Пожалуй, ни один сибирский город в конце XIX века не мог похвастаться такой мощной секс-индустрией, как Владивосток (и соседняя с ним Находка).

Судя по книгам Джоан Роулинг, самое волшебное место в Лондоне – Косой переулок. То же самое сто лет назад можно было сказать про Владивосток. Именно в Косом переулке и его окрестностях концентрация публичных домов была самой высокой. И, что интересно, большинство из них принадлежали японцам.

Говорят, японские гейши пользовались в городе огромной популярностью, и к началу XX столетия японцы почти полностью вытеснили из этого бизнеса русских, оставив отечественных гетер в дешевых "народных" публичных домах на окраине города и в порту. Центр же принадлежал японским проституткам почти безраздельно.

Оно и не удивительно: сервис у выходцев из Страны восходящего солнца был на высоте! Чистота, оформленные со вкусом уютные номера, постоянный медицинский контроль. И сами девушки были замечательные – красивые, ласковые, умеющие развлечь клиентов разговорами (большинство говорило по-русски, а иногда еще по-английски или по-французски). При этом, говорят, цены были в высшей степени доступными, а для постоянных клиентов предлагались скидки и абонементы.



Courtesy Image

Гейши во Владивостоке

Эти заведения пользовались огромной популярностью среди владивостокского чиновничества и русских морских офицеров. Многие ходили туда по несколько раз в неделю, почти как на работу, и проводили приятные вечера с какой-нибудь любимейшей гейшей, которой можно было откровенно рассказать обо всем, что лежит на душе. О неприятностях на службе, о кознях начальников и командиров... Девушки слушали очень внимательно и сочувственно входили во все детали. К тому же тут можно было и выпить, и закусить каким-нибудь изысканным блюдом японской кухни. Ну, и понюхать кокаина, если есть настроение. Словом, настоящий рай земной! В этот рай, правда, время от времени заглядывали учтивые японские парикмахеры, о чем-то разговаривавшие в барах с гейшами. Но кто будет обращать на это внимание...

Разумеется, вся эта райская жизнь закончилась в одночасье 27 января 1904 года, когда началась война с Японией. Наутро 28 января все публичные дома и японские парикмахерские оказались закрыты. Ни одной японской гейши в городе не осталось. Возможно, это преувеличение, но многие полагают, что большинство из них были шпионами, а парикмахеры – связными. В пользу этой версии, впрочем, говорят многочисленные рассказы жителей Владивостока, посещавших Японию после войны, и случайно сталкивавшихся где-нибудь со знакомым чистильщиком обуви или кучером в чине, скажем, капитана японского генштаба. Да и сам ход войны, и ее итоги во многом как бы намекают, что русские чиновники и офицеры во Владивостоке в буквальном смысле "про...ли" японцам государственные секреты.

| НКВД и валютная проституция

Как известно, свято место пусто не бывает. И уже к весне 1904 года в город пришел "китайский аналог" японского секс-бизнеса. Не такой качественный и чистоплотный, без лишних разговоров и дополнительных услуг. Но все-таки хрупкие китайские девушки чем-то напоминали гейш, да и цену китайцы не заламывали. А кому надо было еще дешевле, шли на "Миллионку", во владивостокский чайна-таун, где можно было встретиться с бедной куртизанкой в тесной комнатке трущоб, но зато за копейки.

Кроме того, у китайцев был еще один козырь: опиум. Опиумные притоны всегда соседствовали с публичными домами, и даже во много раз превышали их числом. Они были и в центре, и на окраинах. Бороться с этим злом полиции не удавалось, потому что притон можно было организовать буквально где угодно. Для этого нужна была комната, несколько тюфяков и трубки с опиумом. Больше – ничего. Поэтому притоны стремительно переезжали из дома в дом, из квартиры в квартиру, иногда по несколько раз в неделю. А о том, где сегодня искать наркотический рай, всегда можно было справиться в публичном доме, поскольку проституция оставалась легальным бизнесом.

Таким Владивосток и встретил октябрьскую революцию: sex&drugs имелись в изобилии – только рок-н-ролла не хватало. И то, и другое (хотя, конечно, уже в подпольном варианте) продержалось тут до начала 30-х годов XX века. Так что можно с уверенностью считать, что именно Владивосток стал крайним оплотом проституции в Сибири. Последний удар по ней советская власть нанесла в 1937 году, когда трущобы "Миллионки" снесли, а китайцев насильно выселили из города. Кто-то из них затаился, кто-то уехал на родину, многие попали в лагеря или были расстреляны...

Однако в 30-е годы здесь (как, впрочем, и в других портовых городах СССР) возник совершенно новый, исключительно советский вид торговли "живым товаром": валютная проституция. И она поначалу была вполне официальной.

Как известно, молодое советское государство, остро нуждаясь в валюте для намеченной Сталиным индустриализации, ничем не брезговало. За границу продавали бесценные иконы, уникальные картины, золотые и серебряные изделия. А также девичью честь! Мало кто сейчас помнит о том, что свой вклад в индустриализацию СССР вносили проститутки из Ленинграда, Одессы, Новороссийска, Владивостока и других портовых городов.

Экипаж любого иностранного корабля, зашедшего в советский порт, не имел тогда права менять валюту на советские рубли. Морякам в обмен на доллары, марки или

иены выдавались специальные "боны", которыми они могли расплачиваться в портовых ресторанах и магазинах. Валюта сразу уходила в государственные хранилища. И, понятное дело, чем больше "бонов" требовалось экипажу, тем больше валюты получало государство. "Девочки легкого поведения" работали в порту с разрешения НКВД, поскольку занимались важным ответственным делом.

Это вам уже не какое-нибудь частное "блядование", а серьезная государственная политика. Со стороны, конечно, может показаться, что это одно и то же. Но есть нюансы...

Что почитать по теме:

1) Александр Адрианов. [Томская старина](#). 1912 год (о домах терпимости и многом другом)

2) Владимир Тан-Богораз. "Чукчи". 1934 год (о необычной культуре этого циркумполярного народа)

3) Фердинанд Врангель. ["Путешествие по Сибири и Ледовитому морю"](#). 1841 год (о "распущенных" нравах коренных сибирских народов)

4) Sheila Jeffreys. The Industrial [Vagina](#). 2008 (о японских проститутках *караюки-сан* во Владивостоке и других особенностях дальневосточной секс-индустрии)

** Текст из архива Север.Реалии*

Этот контент также в категориях

История

Регионы

История.Сибирь